

Узор доступа

Виктор Алеветдинов

Мистическая повесть-квест

Виктор Алеветдинов

Узор доступа

«Автор»

2026

Алеветдинов В.

Узор доступа / В. Алеветдинов — «Автор», 2026

Лия приезжает на старую шёлкоткацкую мануфактуру в Китае, чтобы подготовить репортаж о свойствах натурального шёлка — его прочности, тепле и способности «дышать». Но закрытые цеха фабрики скрывают не просто ремесло. Ночью пространство перестраивается в лабиринт из шёлковых занавесей, где вытканые узоры становятся дверями в города её прошлого: Хабаровск, Владивосток, Сиань, Харбин. Шёлк реагирует не на слова и намерения, а на дыхание, прикосновение и внутреннее состояние, предлагая прожить альтернативные развилки жизни. Постепенно Лия понимает: перед ней не мистика, а древняя аналоговая технология записи опыта — архив, который невозможно взломать цифровыми методами. «Узор доступа» — мистическая повесть-квест о памяти тела, цене выбора и пути вперёд, который начинается с паузы.

© Алеветдинов В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. «Цех, который помнит дыхание»	7
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Виктор Алеветдинов

Узор доступа

Пролог

«Самое надёжное хранилище – то, что читается телом»

Шорох разбудил её резко. В комнате было темно, только слабый свет аварийной лампы растекался по полу, и от этого тени казались слишком длинными для обычной гостиницы при фабрике. Она села, прислушалась и поняла, что звук идёт не с улицы. Он шёл из коридора, из той части мануфактуры, куда днём её провели на несколько минут и попросили не задерживаться.

Днём всё выглядело просто: старое здание, музейная витрина, станки, запах сырья и чуть сладковатый привкус пыли. Она приехала сюда за материалом о натуральном шёлке, чтобы собрать детали для репортажа – о прочности нити, о том, как ткань “дышит”, сохраняет тепло и светится благородным блеском. Но в закрытом цехе рулоны экспериментального шёлка вели себя иначе. Под пальцами поверхность меняла перелив, будто отвечала. Ей показалось тогда, что это всего лишь игра света и усталости после дороги.

Теперь коридор не был коридором. Дверь в комнату открылась без усилия, воздух сразу стал холоднее, словно здание вздохнуло. Вместо стен тянулись полупрозрачные занавеси, многослойные, как вода в реке: каждый слой был чуть смещён, от этого пространство уходило в глубину, где не должно было быть глубины. На занавесях проступали узоры – тонкие, почти невидимые. Когда подошла ближе, они стали похожи на дверные проёмы, вытканые из света.

Она коснулась ближайшего узора. Ткань потеплела, как кожа. Рисунок дрогнул, перестроился под ладонью и вдруг стал яснее, будто кто-то изнутри подтянул нить, натянул контур. На мгновение ей показалось, что за занавесью мерцают огни чужого города, и воздух там пахнет другим временем.

Её дыхание сбилось, узор ответил новым движением. Будто этот шёлк не показывал дорогу, а считывал её. Как будто он хранил не ткань, а отпечатки решений, которые когда-то были сделаны, и те, которые ещё можно прожить.

Глава 1. «Цех, который помнит дыхание»

Репортажный повод

Лия заметила нить уже у ворот – тонкую, светлую, прилипшую к рукаву пальто после дороги. Пальцы скользнули по ткани, попытались стряхнуть чужую паутинку. Нить не поддавалась. Она легла вдоль шва, вывернулась дугой и замерла так, будто нашла единственное место, где ей удобно. Лия остановилась на полшага, проверила рукав взглядом, провела ногтем по волокну. Тишина у входа оказалась слишком аккуратной: слышно было, как где-то в глубине двора журчит вода.

На фасаде сохранились следы прежней вывески. Новая табличка, гладкая, свежая, держалась на других болтах и закрывала часть старых отверстий. Лия сделала снимок для заметки, подняла камеру ближе, поймала резкость на краю металла – в этот момент экран мигнул. Секунду назад там был простой кадр: кирпич, табличка, серое небо. Теперь возникло увеличенное зерно материала, сеть нитей, микроскопические разрывы, узелки, мягкие переходы, будто объектив нашёл скрытый режим. Лия нажала «назад». Изображение вернулось в норму. Она повторила. Снова мелькнуло волокно, словно камера запомнила чужой масштаб.

В кармане завибрировал телефон, не сообщение. Короткий импульс, похожий на внутреннюю проверку. Лия вытащила устройство, убедилась, что запись не идёт, поймала собственное отражение в стекле: дорожная усталость, привычно собранное лицо, взгляд, который умеет снимать расстояние с любой двери.

Её цель на сегодня была ясной и простой. Репортаж о натуральном шёлке: прочность, способность пропускать воздух, удержание тепла, блеск. Читателю нужны факты, редактору нужен текст к ночи, а заказчику поездки – внятная история, где ремесло выглядит современно. Лия могла это сделать. У неё всегда получалось удержаться в рамках. У неё получалось превращать любую поездку в рабочее поле, где личное остаётся за кадром.

Проводник появился без шума, с того направления, где начинался музейный корпус. На нём была серая куртка с эмблемой мануфактуры, на груди – бейдж, повёрнутый под углом, чтобы не читалось имя. Он произнёс приветствие, обозначил маршрут, предложил воду. Лия услышала в голосе ровность, отработанную на посетителях, и ещё одно – сдвиг фраз, где важные слова обходили прямую линию.

– Репортаж, – сказала Лия, протягивая письмо-подтверждение и редакционное удостоверение.

Проводник взял документы двумя пальцами, задержал взгляд на печати, вернул. Улыбнулся и сразу добавил:

– Музейная часть доступна полностью. Для производственных зон действует отдельный режим.

Лия кивнула, приняла формулу, отметила её в памяти. «Отдельный режим» звучал не как безопасность. В таких словах обычно прячут контроль.

Они прошли через двор. Воздух пах влажной известью, горячим металлом, чем-то сладковатым, что легко спутать с ароматом чая, если идти быстро и не смотреть по сторонам. Лия шла, отслеживала детали. У стены стояли деревянные ящики с маркировкой, на крышках – следы старых штампов, затёртые до полупрозрачности. В углу висела сетка, под ней темнели катушки. Всё это могло стать фоном, но Лия собирала фактуру иначе: она брала предметы руками, если позволяли правила, и верила коже больше, чем глазу.

В холле музейного корпуса было прохладно. Камень пола тянул холод через подошвы. Проводник предложил надеть бахилы, Лия выполнила, спрятала пальто в гардероб. Нить на рукаве исчезла – будто её никогда не было. Она сразу почувствовала пустоту на коже, в том месте, где секунду назад нить цеплялась за шов. Слишком точное отсутствие.

Лия достала блокнот. Пальцы привычно нашли ручку. Нужны тезисы: волокно, структура, износостойкость, поведение при влажности, тактильность, блеск. Она мысленно разложила будущий текст. В голове уже строились абзацы, удобные, безопасные, без риска задеть себя. Она заметила это и ощутила неприятное давление под рёбрами. Работа снова служила щитом.

В витрине у входа лежали образцы шёлка – куски ткани, подписанные по годам. Лия попросила разрешения прикоснуться. Проводник не запретил, просто задержал взгляд на её ладони и произнёс:

– Только кончиками пальцев.

Лия провела подушечками по образцу. Поверхность была гладкой, почти прохладной, с едва ощутимой зернистостью по краю. Лия прижала палец сильнее, почувствовала, как ткань отзывается микродвигом, и поймала вспышку памяти: перрон, сырой воздух, чемодан, который тянет руку вниз, слова, которые остались внутри, потому что в тот момент удобнее было молчать. Память пришла не картинкой. Пришла телом – тяжестью в запястье, тонкой дрожью в горле.

Лия отдернула руку. Сделала заметку. Снова подняла телефон, чтобы снять макро фактуры. Камера поймала нити, приблизила их до уровня, где глаз теряет уверенность. На экране всплыл короткий текст, тонкий, без фирменного оформления: «Ткань реагирует на тело, не на слова».

Лия быстро убрала уведомление. Проверила приложения. Ничего не было открыто. Она вернулась к камере – строка исчезла, а волокна остались на экране, будто устройство на секунду распознавало её прикосновение в качестве ключа.

Проводник наблюдал. Лия не спросила напрямую. Вопрос вывел бы ситуацию из подчинения, она это знала. Она улыбнулась, произнесла нейтральное:

– Ваша экспозиция хорошо выстроена.

Проводник ответил так же нейтрально:

– Мы стараемся.

Слова легли гладко, без лишнего. Лия услышала ещё одно: паузу перед «мы». Маленькую, но заметную. В паузе оставалось пространство, где «мы» могло означать больше одного отдела.

Лия снова посмотрела на образец. Внутри поднялась настойчивая мысль: если ткань действительно реагирует на тело, репортаж получится сильнее, чем задумано. И одновременно возник страх: сильный текст привлечёт слишком много внимания. Лия привыкла работать на интерес, однако сегодня интерес задел её личную точку. Ту, где она однажды выбрала удобное молчание.

Проводник жестом предложил двигаться дальше, в музейные залы. Лия закрыла блокнот, спрятала телефон, сделала шаг вслед и вдруг поймала на пальцах тонкое тепло – там, где только что была ткань. Тепло сохранялось дольше допустимого для холодной витрины.

Последняя мысль перед тем, как двери музея сомкнулись за спиной: кто-то уже запустил проверку, а она попала в неё случайно.

Экскурсия по безопасной версии

Первый зал начинался с легенды. Стенд рассказывал о древнем происхождении ремесла, о дороге, о мастерстве, о восстановлении традиций. Текст был выверен, гладок, удобен для

туриста и для пресс-релиза. Лия прочла несколько абзацев, отметила слова-переходы, в которых обычно прячут пустоту, и перевела взгляд на экспонаты.

Станки стояли в ряд. Дерево потемнело, металл блестел там, где его полировали. Лия подошла ближе, провела ладонью по холодному поручню ограждения и услышала тихий скрип, который жил в этом месте давно. Внутри станка оставалась сила движения: колёсики, ремни, направляющие. Всё выглядело готовым к запуску, однако рядом висела табличка «экспонат». Слово было напечатано новым шрифтом, закреплено свежими винтами.

Проводник шёл рядом, обозначал очередность витрин. Он говорил уверенно, короткими фразами, которые не требовали уточнений.

– Здесь восстановленные механизмы. Здесь архив семейных мастерских. Здесь образцы продукции по эпохам.

Лия задавала вопросы про свойства материала, про контроль качества, про то, где именно измеряют износ и что считают эталоном. Проводник отвечал, но ответы проходили через фильтр. Он давал правильные формулировки, соблюдал границы, не допускал ни одного слова, которое могло бы открыть дверцу в производственную часть.

Лия ловила это по мелочам. Пауза перед названиями помещений. Улыбка на вопрос о «экспериментальных партиях». Повтор фразы «музейная часть» слишком часто. Такая речь держит человека на расстоянии.

На стене висели фотографии. Чёрно-белые, затем цветные, затем снова чёрно-белые, будто кто-то вырезал целый период и закрыл пустоту стилистикой. Лия подошла к подписи. Там было указано: «Реконструкция корпуса. Начало проекта». Год отсутствовал. Ниже стояла другая подпись: «Возрождение производства. Торжественное открытие». Год опять исчезал. Лия перевела взгляд на проводника.

– От какого времени отсчитываете возрождение?

Проводник улыбнулся, повернул голову к стенду и ответил вопросом:

– Для репортажа важнее свойства материала, верно?

Лия поняла манёвр. Он предлагал ей вернуться в безопасную тему и одновременно обозначал риск: задавая неудобные вопросы, она нарушит негласный договор гостя. Лия могла принять. Могла усилить давление. Внутри поднялась злость – не яркая, скорее холодная. Она знала эту злость. Она появляется, когда чужие правила пытаются заменить её цель.

– Свойства материала связаны с технологией, – произнесла Лия. – История показывает, откуда берутся решения.

Проводник кивнул, но кивок не был согласием. Он был отметкой: «услышал». И повёл её дальше, к витрине с инструментами.

В витрине лежал челнок. Рядом – катушки, ножницы, деревянные гребни, лампа для проверки нитей. Лия отметила лампу, запомнила форму, представила, как свет выявляет скрытые линии в ткани. Слева, под стеклом, лежал пустой конверт – белая бумага без адреса, без текста, без даты. У конверта была подпись: «Письмо мастера. Не отправлено». Лия не стала читать подробности, их там и не было. Она почувствовала короткое напряжение и убрала взгляд. Пустой конверт попал точно в её внутреннюю точку. Слова, которые остаются внутри, всегда ищут форму.

Дальше стояла табличка мастера – деревянная пластина с именем и должностью, закреплённая рядом со станком. На первый взгляд она была декоративной, музейной. Лия приблизилась, наклонилась. По краю таблички шёл мелкий ряд букв, частично скрытый слоем лака. Лия подняла телефон, сделала снимок крупным планом. Экран снова нашёл тот странный режим, где предмет раскрывается глубже, чем должен. На изображении проявились две детали: дата, спрятанная под слоем краски, и инициалы, выгравированные глубже основного текста. Рядом всплыл знак – отпечаток, похожий на штамп, собранный из линии и узла.

Лия почувствовала, как кожа на пальцах холодеет. Она ещё не успела коснуться таблички, а желание прикоснуться уже стало слишком сильным. Лия аккуратно положила подушечки пальцев на край дерева. Лак оказался тёплым. Тёплым для музейного предмета, который давно не трогают.

Проводник сделал шаг ближе.

– Это служебная вещь, – произнёс он тихо.

Лия убрала руку.

– В музее много служебного, – сказала Лия. – На табличке спрятана дата. Зачем?

Проводник посмотрел на её телефон. Взгляд был быстрым, отточенным. Он не попытался отнять устройство и не предложил удалить. Он выбрал третье: улыбнулся и сменил тему.

– В следующем зале будет демонстрация блеска при разном освещении. Это полезно для вашей статьи.

Лия услышала вторую игру. Он признал факт, но уводил разговор дальше, чтобы не закреплять его словами. Лия приняла переход внешне, но внутри отметила: знак со снимка совпадёт с чем-то ещё. Если его прячут в музее, он ведёт за пределы музейной версии.

Они прошли в следующий зал. Там было светлее. На стене висела карта мануфактуры, упрощённая до туристической схемы. Стрелки показывали маршрут посетителя. Серые линии обозначали «служебные помещения», без подписей. Лия остановилась, провела взглядом по схеме и заметила: одна серая линия уходила в сторону, к корпусу, который на фото обозначали без года. У линии стоял маленький символ. Тот же, что всплыл на экране рядом с табличкой мастера.

Лия не стала показывать это проводнику. Она сделала вид, что изучает витрину с тканями. На самом деле она считывала карту, запоминала повороты, расстояние, двери. Профессиональная броня снова встала на место, но теперь она работала на другую цель: попасть туда, где история не отредактирована.

Проводник уже открывал следующую дверь, в коротком просвете Лия увидела коридор, уходящий в сторону от туристического маршрута. В конце коридора висела полоса ткани, разделённая на длинные вертикальные ленты. Лия уловила движение воздуха между лентами и тонкий шорох, который мог принадлежать станку, мог принадлежать шагам, мог принадлежать памяти.

Проводник закрыл дверь быстрее, чем нужно.

Лия улыбнулась, спрятала телефон, знак-штамп остался в её кармане вместе с сохранённым снимком – короткий, невидимый маркер, который теперь требовал продолжения.

Закрытый цех и рулоны «умного шёлка»

Дверь в служебный коридор открылась сама, ещё до того, как Лия успела договорить фразу про «съемку производства». Проводник коснулся панели у косяка, замок отозвался коротким сигналом. Внутри запах менялся ступенями: сперва холодный металл, потом тёплая влажность, затем сухая пыль, которая оседает в горле и заставляет говорить тише.

Лия шагнула следом и поймала себя на странном ощущении: музей остался позади слишком быстро. Там всё шло по стрелкам и табличкам. Здесь стрелок не было. Только гладкие стены, молочные лампы под потолком и редкие двери, на которых не читалось ни названий, ни номеров. У одной двери вверху темнела линия – свежая, будто её рисовали недавно. Лия задержала взгляд. Линия складывалась в знакомый узел, тот самый, который вспыхнул рядом с табличкой мастера.

– Этот корпус закрыт для маршрута, – сказал проводник, не оборачиваясь.

Слова прозвучали спокойно, однако тембр стал суше. Он не спорил и не запрещал. Он обозначал границу так, чтобы Лия сама решила, насколько ей нужна эта граница.

– В письме указана производственная часть, – ответила Лия и открыла папку с документами. – Фото и фактура. Без этого получится туристический текст.

Проводник остановился. Пауза растянулась на пару вдохов. Лия почувствовала собственную усталость, которая пряталась с утра за привычной собранностью: плечи сжались, ладони похолодели. Усталость всегда подталкивала её к компромиссу. Сегодня компромисс грозил стать очередным молчанием.

– Туристический текст продаётся лучше, – произнёс проводник.

Это был нажим в мягкой оболочке. Лия поняла ход. Он предлагал ей выбрать удобное. Он проверял, насколько легко она отступит.

– Мне нужен честный, – сказала Лия. – И мне нужен материал для него.

Проводник повёл дальше. В конце коридора была дверь без вывески, с узкой полосой стекла. За стеклом свет стоял белее и резче, а воздух выглядел плотным, словно в помещении держали особую влажность. Проводник достал из кармана небольшой предмет и прикоснулся к кругу под панелью. Замок щёлкнул.

Лия успела заметить, что предмет блеснул латунью.

Дверь открылась, в лицо ударил запах сырья. Тонкая сладость, прохлада, лёгкая кислинка – всё вместе напоминало о воде, в которой долго лежали растительные волокна, и о горячем утюге, который прошёл по ткани час назад. Внутри цеха было тихо, но тишина не пустовала. Где-то в глубине работала вентиляция, этот ровный шум делал любое движение громче.

Рулоны лежали на стеллажах в несколько ярусов. На каждом – чехол из серой ткани, стянутый тесьмой, и этикетка на шнуре. Лия подошла ближе. Серый чехол на ближайшем рулоне оказался тёплым на ощупь. Пальцы почувствовали не только материал, но и тонкие неровности под ним, как если бы внутри ткань жила собственной геометрией.

– Экспериментальные партии, – сказал проводник. – Съёмка без деталей.

– Детали и есть репортаж, – ответила Лия, не поднимая головы. – Без них останутся общие слова.

Проводник не возразил. Он только сместился так, чтобы видеть её руки.

Лия подняла одну этикетку. На бумаге был штамп: узел и линия, собранные в знак. Лия провела пальцем по оттиску. Чернила легли глубже обычного, кожа на пальцах почувствовала на бумаге бороздки, оставленные давлением. Пальцы задержались. От чехлов пошло тепло, Лия уловила движение под чехлом – тонкое, почти незаметное. Чехол чуть сместился, будто ткань внутри отозвалась на прикосновение.

Лия сняла чехол с края рулона и открыла полоску шёлка. Цвет был молочный, с лёгким переливом. Ткань выглядела гладкой, но под пальцами обнаружилась структура: микроскопические ребра, которые меняли ощущение при каждом угле касания. Лия провела рукой по поверхности, медленно, внимательно, от края к середине.

Рисунок проявился сразу. Не печать и не орнамент. Линии возникли из света, который отражался иначе, чем секунду назад. Узкие дорожки сходились в одну точку, а потом расходились, оставляя формы, похожие на проёмы. Лия почувствовала, как в груди поднимается интерес, почти детский. И вместе с ним – страх: такие вещи не показывают случайному репортёру.

– Это реагирует на температуру? – спросила Лия.

Проводник выдержал паузу, потом произнёс:

– На контакт.

Он сказал слово, которое охватывало больше, чем физику. Лия поняла: он выбирал формулировки так, чтобы не оставить следов. И всё же ответ был.

Лия достала телефон, включила камеру и навела на этикетку. Экран снова ушёл в привычное увеличение. На нити бумаги вспыхнул тонкий световой контур, совпадающий со знаком. Затем изображение потекло, будто в кадре появилась прозрачная ткань, и на ней – тот же узор, только живой: линии собирались, разъезжались, искали форму. Внизу экрана возникло

меня, которое не относилось к камере: «Галерея занавесей». Рядом мерцала отметка: «Доступ закрыт».

Лия быстро выключила экран и прижала телефон к ладони, словно прятала чужую подсказку. Сердце ускорилось. Она старалась вернуть дыхание к спокойному темпу, однако грудь поднималась выше обычного. От этого ткань под пальцами изменилась ещё заметнее. Линии стали резче, один «проём» обрисовался яснее. Лия уже тянулась к нему взглядом, когда услышала голос проводника.

– Руки, – сказал он тихо.

Одно слово. Приказ и просьба в одном звуке.

Лия убрала ладонь. Рисунок на ткани не исчез. Он только смягчился, словно ушёл в глубину. Проводник сделал шаг и накрыл открытый участок шёлка чехлом. В этот момент Лия увидела на соседнем столе небольшую коробку. В коробке лежали три вещи: катушка с тонкой нитью, сложенный лоскут шёлка, латунный номерок на кольцо.

Проводник заметил её взгляд.

– Для контроля партии, – произнёс он.

– Для контроля или для допуска? – спросила Лия.

Проводник не ответил сразу. Он поднял коробку, отнёс её ближе к стеллажу и поставил так, чтобы Лия не могла увидеть номер на жетоне. Затем открыл крышку снова и вынул лоскут.

– Возьмите образец, – сказал он. – Для вашего текста. Вернёте на выходе.

Вторая часть прозвучала мягко, но в ней чувствовалась нитка: «я знаю, что вы способны унести больше». Лия взяла лоскут. Он был лёгким, чуть прохладным и удивительно спокойным на коже, будто ткань умела притушить нерв. Лия почувствовала, как напряжение на мгновение отступило. Тут же пришла другая мысль: ткань умеет успокаивать так же, как работа умеет прятать боль.

– И катушку? – спросила Лия.

Проводник посмотрел на её пальцы. На секунду задержал взгляд так, будто сравнивал рисунок кожи с внутренней памятью цеха.

– Катушка останется здесь, – произнёс он.

Лия не стала спорить. Спор поднял бы шум, а шум сегодня был роскошью. Она спрятала лоскут в блокнот, между листами, и ощутила тонкое тепло в кармане, будто ткань оставила отпечаток на бумаге.

Проводник двинулся к двери. Лия шагнула следом и заметила: знак на этикетке отпечатался у неё в памяти слишком ясно, словно в глазах остался световой след.

У самого выхода она оглянулась. Серые чехлы на рулонах лежали неподвижно. Внутри тишины оставалось другое – ожидание, которое можно было почувствовать кожей.

Предупреждение проводника

Проводник закрыл дверь в цех и не сразу повёл Лию назад к музейным залам. Он остановился в коридоре, где свет был слабее, где камеры на потолке смотрели прямо, без возможности спрятаться в тени. Лия почувствовала это взглядом. Плечи сами приподнялись. Внутри появилась знакомая осторожность, та, что включает у неё «профессиональную броню» и временно делает её слепой к собственным желаниям.

Проводник достал латунный номерок. Теперь он не прятал его в ладони. Жетон лежал на пальцах открыто, тяжёлый, с тёплой матовой поверхностью. На одной стороне был номер, на другой – тот же знак: узел и линия, собранные в короткий символ.

– Это у вас уже есть, – сказала Лия, глядя на знак. – На табличке мастера. На карте корпуса. На этикетке рулона.

Проводник не стал отрицать. Он выждал, пока Лия произнесёт всё до конца, потом поднял жетон ближе к её лицу.

– У каждого знака своя роль, – произнёс он. – В музее роль спокойная.

– А здесь? – спросила Лия.

Проводник чуть улыбнулся.

– Здесь роль служебная.

Слова снова закрывали смысл. Лия ощутила раздражение. Она хотела спросить о дате, об инициалах, о том, почему годы исчезают с подписей. Она хотела задать прямой вопрос. И тут же увидела собственную слабость: прямота всегда приводит к разговору о личном. Лия привыкла обходить его, даже когда дело касается чужих тайн.

– Мне нужен доступ к информации, – сказала Лия. – Иначе материал получится пустым.

Проводник наклонил голову, словно соглашался, и протянул жетон.

– Возьмите.

Лия взяла номерок. Латунь сразу потеплела на коже. Жетон оказался тяжелее, чем должен быть. Внутри пальцев возникло ощущение, что предмет имеет инерцию. Лия сжала его, почувствовала рельеф знака и поняла: этот знак предназначен для пальцев, не для глаз.

– Зачем? – спросила Лия.

Проводник не отвёл взгляд. В его лице появилось что-то усталое, человеческое, на секунду сбросившее служебную маску.

– Чтобы вы дошли до комнаты, – сказал он.

Фраза прозвучала слишком конкретно. Лия уловила, что он сказал лишнее. Он понял это тоже и сразу добавил:

– До вашей комнаты. Гостевой корпус.

Смысл вернулся в безопасное русло. Однако лишнее слово уже осталось между ними. «Дошли» относилось к пути, который умеет сбивать.

Лия убрала жетон в карман и услышала в ткани пальто мягкий шорох, когда латунь коснулась подкладки. Внутри кармана лежал блокнот с лоскутом, Лия почувствовала, как латунь и шёлк соприкоснулись через тонкий слой бумаги. Тепло поднялось выше, по телу, к горлу. Лия сглотнула.

– Ночью сюда не ходят, – сказал проводник.

– В цех? – уточнила Лия.

– В коридоры.

Лия подняла глаза. Он говорил осторожно, будто выбирал формулировки не по смыслу, а по последствиям.

– Можно заблудиться, – добавил он.

– С кем это случалось? – спросила Лия.

Проводник взглянул на камеры. Потом вернулся взглядом к её лицу.

– Вы работаете с текстами, – сказал он. – Слова умеют тянуть в сторону.

Он снова уводил разговор от фактов. Он снова предлагал ей укрытие в профессии. Лия почувствовала, как привычная броня поддаётся искушению: согласиться, уйти, написать туристическое, не рисковать. И вместе с этим поднялось другое – упрямство, которое редко выходит у неё на поверхность. Упрямство возникало в точках, где она однажды промолчала.

– Вы сейчас тянете меня в сторону, – сказала Лия.

Проводник улыбнулся чуть заметно. Улыбка не выражала радости.

– Сторон здесь много, – произнёс он.

Лия поняла: он допускает игру. Он разговаривает с ней не как с посетителем, а как с человеком, который может пройти дальше, если выдержит давление.

– Я вижу знак, – сказала Лия. – И вижу, что вы показываете музей, где годы исчезают. Это не случайность.

Проводник опустил руки, сделал шаг ближе.

– Случайность оставляет следы в цифре, – произнёс он.

Он сказал это почти шёпотом, а затем добавил фразу, которая прозвучала как правило, как пароль, как предупреждение:

– Цифра слепа – тело видит.

Лия почувствовала, как холод проходит по спине. Фраза не объясняла ничего. Она переморачивала всё. Внутри поднялась тревога, и сразу же возникло желание сделать вид, что слова не важны. Лия не дала себе этого. Она сжала жетон в кармане. Латунь согрелась ещё сильнее, будто откликалась на её внутренний сдвиг.

– Это ваша легенда? – спросила Лия.

Проводник покачал головой.

– Здесь легенды показывают в музее.

Он снова спрятал смысл в привычную оболочку, однако Лия услышала тон, который выдавал цену сказанного. Он предупредил её не о заблудившихся туристах. Он предупредил о том, что в этих коридорах есть путь, который выбирает человека по признаку, доступному только телу.

Проводник повёл её обратно. На развилке он остановился, положил ладонь на стену, панель у двери загорелась на секунду. Лия заметила, что знак на экране совпал со знаком на жетоне. Проводник быстро убрал руку, снова сделал движения служебными, чужими.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.